

ДВА РАССКАЗА

НИНА ГОРЛАНОВА

Горланова как достояние человечества

Представьте себе, что вы боитесь... нет, не мышей, не пришельцев, не перехода к рынку, а... выйти на свою кухню! Не можете представить – ваше счастье, хотя одна старая нянечка из урологии на вопрос студентов высказалась еще мудрее: «Испражняетесь? Моча отходит? Это и есть счастье».

Мы утверждаем, что когда-то Горланова была девочка, мечтавшая о Париже, о музее Шагала, сейчас же, в сорок четыре, это оказалась маленькая сгорбленная старушка с шепчущим выражением лица, то и дело она крестится перед выходом на кухню.

– Ты так ее боишься, что аж вся сжимаешься! – обнял ее муж. – А ты представь, что это не ты, а Танюха Бурдакова.

– Она так морду воротит от меня, что боюсь: свернет что-нибудь в шее! А кто виноват будет – мы...

На кухне, как на улице – всегда много незнакомых ярких девиц, но Горланова сразу их узнавала: это новые подруги приемной дочери. Она узнавала их по узлам – узлы напротив межножья, полы халата так завязаны – в крупный узел всегда, сексуально, конечно, но Горланова бы предпочла думать даже о солженицинских узлах, трагических, чем мучительно разгадывать загадку этих, величиной с кулак всего: зачем, что они значат и что сегодня ей принесут. Все четыре горелки заняты, мне нужно чайник поставить, робко сказала Горланова, поставь его себе на залупу, был ответ. Залупа, когда-то в пионерском лагере Горланова слышала это слово, что-то из этой же серии с узлами возле причинного места.

– Но у меня нет залупы, – неуверенно сказала Горланова, – это у вас в голове одни мужики, а у мужиков для вас главное, видимо, залупа.

Подруга приемной дочери узлом пошла на Горланову в наступление, словно боднуть хотела – вообще эта часть тела у них, как на механических манипуляторах: далеко выдвигается в любую сторону, далеко и быстро. Ну, сука, я, сука, тебе, сука, говорила, сука, чтоб ты на кухню пореже выходила! Это выбежала из своей комнаты приемная дочь, а мужчина, похожий на гермафродита, вышел кокетливо следом, говоря: давно пора эту суку прибить совсем, сколько можно терпеть. У Горлановой чайник начал выстукивать дробь, что-то с крышкой у него или с руками у нее – от радости, от радости, конечно, что ее-то приемная еще лучше своих друзей: если и прибьет кого, то не сама, лишь по совету других, по наущению...

Жалко их: как младенцы, рожденные от алкоголичек, в роддоме орут, пока им не дадут пососать ватку со спиртом, так и они тут кричат, пока не выпьют. Причем у приемной дочери пила не только мать, но и бабушка, так что яблочко не только от яблони, но от пра-яблони. Господи, прости их, не ведают, что творят, прошептала Горланова, чем окончательно вывела из себя приемную дочь.

– А если б Бог существовал, Он бы тебя в скелет не превратил, раз ты, сука, верующая такая!

– А Он меня наказывает за то, что я пошла против Его воли. Ты же умирала, по Его замыслу, ваш род должен был вымереть, а я кинулась наперерез – стала спасать тебя, ну, Он мне и показывает – кому от этого хорошо...

– Воночка, страшила, уродина! – хором кричали они Горлановой. – Ты и мужу-то уже не нужна, образина!

– Ну да, ты высосала из меня всю молодость, но когда мне было, как тебе, двадцать, я не ездила в пожарную часть продаваться, у меня сирень некуда поставить было... Спасибо, что напомнила, сколько у меня их было – поклонников... сирени... – она заплакала наконец.

Вышел муж: кому ты, Нина, все это произносишь, начал он мягко, они же не люди, а ты с ними, как с людьми, но к болоту ведь ты не обращаешься со словами: «Болото! Почему ты такое топкое! Зачем ты затягиваешь людей, засасываешь – перестань вредить человечеству!»

Он увел жену в комнату, где семья всухомятку питалась консервами, сын бубнил: пустили лисичку пожить, она зайчика и выгнала. У Горлановой состояние такое, словно вся она набита соломой, колет всюду: в руках, в ногах, в голове. Она осторожно дошла до дивана и легла. Пришел друг – дзен-буддист: посмотрел на её шевелящиеся пальцы ног.

– Ты – как некое природное явление, шевелящее листиками и овевающее ветром!

– Это Господь ее обессилил, чтоб не ринулась добрые дела делать, чужих девочек хватать и тащить в семью! А ведь я всегда был против! Муж надевал футболку с рисунком машины, натянул ее на лицо, колесами – на глаза, и пошёл на жену, как привидение. Его молдавская ментальность ее уже заколебала настолько, что Даша сразу запела на цыганский манер:

– Твоя молдавская ментальность меня зако- зако- леба-ла!

Твоя ментальная молдавскость меня, меня, меня...

– Я ведь ставила мысленно зеркало, говорила дзен-буддисту Горланова, – чтоб ее злые намерения возвращались обратно к ней!

– И зря! Этим ты умножаешь зло, удваиваешь... она становится еще злее, раз ее злые мысли к ней вернулись. Нужно в кокон себя закутывать, мысленно.

Господи, в кокон! Да она уже все перепробовала: закручивалась в кокон, ставила зеркало, ставила свечку...

– Ты взяла на себя часть ее кармы, вот и терпи... святые вообще-то врагов не имеют.

Муж – смеясь – спросил:

– Если она – твой враг, то ты – кто? Тоже мелочь?

Они, видимо, недооценивают... она и убить может, по совету этих...

– Убить – это пустяки, а вот есть такие, которые могут душу сгубить, – муж поднял глаза вверх.

* * *

Как обычно, паучок, проживающий на люстре, на паутинке спустился к столу, словно надеялся тоже пообедать, и младшая, Агния, пожалела его: бедненький, неудобно ему на пластмассе жить. Надо его пересадить за батарею, сказал муж, в тепло и уют.

– Пересадить! – грозно подскочила Горланова и забегала по комнате, в глазах ее металась молния. – Мичуринцы советские – ничто вас не учит! Одну уже пересаживали в другую среду, мало вам, не трогайте паучка! Природа сама знает, где кому жить!

Агния поняла, что срочно нужно перевести разговор, и кинулась к дзен-буддисту:

– Вам жалко Пиросмани, который умер под лестницей от голода, жалко?

– А чего его жалеть? Дай Бог нам так умереть, как он умер – оставив столько красоты... картин...

* * *

– Ма, – Даша тоже хотела перейти к новой теме, – ты вот говоришь, что в природе все справедливо, а мы с классом ездили нынче в лес – два мальчика нашли японские часы, работающие, а я – нашла скелет человека, пластмассовый. Разве это справедливо? Вот тебе и природа, – дочь надулась со всей энергией своих девяти лет.

– Это что за леса такие вокруг Перми! – изумилась Горланова.

– Но только часы идут обратно, сначала три часа, потом два, один...

* * *

Время потекло в обратную сторону: вот всесоюзная выставка приемной дочери, персональная притом, большой успех, хотят пригласить в Париж. Вот друзья тайно от приемной дочки дарят Горлановой «Собачье сердце» (самые застойные годы еще!), шепчут: «Шариковы любят мстить своим спасителям». Вот качает головой дворничиха: «Нина, Нина, телят держишь, так точно с маслом будешь, а ребят держишь – неизвестно с чем...». Вот друг-эстет морщится: «Зачем ты взяла эту малолетнюю блядушку – мне сына плечиком от нее хочется закрыть...».

– Ма, хочешь, я «Вишню» Исаковского прочту? – спросила Агния.

– Нет, нет, вот из-за таких «Вишен» мы и взяли ее! С детства нас приучали, что нужно для всех что-то делать... Кто звонит? Откройте!

Это пришел друг-кооператор с огромным букетом роз. Он женскую «руку без розы просто не мыслит». Так и сказал. С тех пор, как он из Обломова на глазах стал превращаться в Штольца, у него с женой начались разногласия: она хотела, чтоб все в дом шло (машина, дача), а он – в новые дела все деньги вкладывать. Чем чаще они ссорятся, тем чаще Горланова ходит по комнате с розами в поисках вазы или банки, намекая: цветы такие дорогие, а мы вот подписку оформить не смогли, нет денег...

– А подписки на приемную дочь вам вообще хватит по гроб жизни, – подхватывал Обломов, переходящий в Штольца. – Кстати, не знаете: кто бы согласился за плату мыть мне пол в квартире, а, по субботам?

– Я решил эту проблему пола, – отрешенно бросил муж Горлановой. – Нарожали детей, ночами их качаю, у них животы пучит, они дрищут, не к столу сказано, а я думаю: уж вы у меня намоетесь пола! Не зря я с вами ночи не сплю... И вот теперь они исправно моют полы. В самом деле!

– Но я с женой развелся! – сказал бывший Обломов, будущий Штолец, а пока еще ни то ни се, уже не Обломов, еще не Штолец – так, серединка-наполовинку «Облом-Што» некий.

Извивы перехода Обломова в Штольца... А чего бы Горлановой хотелось? Чтобы Обломова больше осталось? Нет, ей бы хотелось, чтоб он взял все лучшее у Обломова и все лучшее – у Штольца. Но мало ль чего ей хочется!

* * *

Вечером Горланова поехала к подруге. Там, как водится, журналы «Бурда», черные тарелки, черный юмор: «Обет? Эти книги мне? Потому что чуть удар вчера не хватил!» – «Прекрасно, почта бы, Нинка, у тебя удары случались... Еще обет

не ездить за границу? Ну, тебе его легко будет выполнить, ты б еще дала обет никогда не покупать “мерседес“!..»

– У тебя новые сапоги? – спросила Горланова у подруги еще в прихожей.

– Копили на дачу, купили сапоги. Три тысячи в комке (коммерческом магазине)! А что делать? – вдруг подруга перешла на другой регистр: – Ну, сука, ты, сука, все замечаешь (так она играла с ней в приемную дочь, снимая напряжение). – И кстати, Нинка, ты неплохо выглядишь.

– Главное сейчас – чтоб внутренне хорошо выглядеть...

– Не скажи: читала своим студентам про театр абсурда, посмотрела, у самой луковая шелуха на локтях – только из очереди...

– Знаешь, я просто не сдерживаюсь, надо молчать мне на кухне...

– Вот смотри: кто помогал Чуковскому – Андреев, потом Репин дачу купил ему. Когда сам Корней смог, он кому помог – Солжу, жене Даниэля.. Не первому встречному.

– А Христос всем помогал...

– Но ты ведь не Христос.

* * *

Ночью, как водится, Горланову разбудил свисток чайника. Смирение – от слов «с миром» в гармонии? Муж проснулся и начал про квартет для чайника со свистком – можно сочинить. Агния выглянула на кухню:

– Ма, смотри: миленькие белые гусенички ползут к нам – из них бабочки выведутся?

– Это черви от её мусорного ведра. Спи, ангел!

Если Горланова кому-то говорила «ангел», значит, нервы ее уже сжались в пружины, а на кого эти пружины разожмутся?

Горланова еще слушала свист минут пять, потом схватила сигарету и побежала на кухню. Приемная дочь и две ее подруги чистили сапоги над столом Горлановой, крем летел на кастрюли. Она поняла, почему они не выключают чайник – руки заняты. И какие страшные узлы из полотенец у всех трех на голове – забодают, вот уже головы наклонили в ее сторону! Три единорога – от страха перед рогами – узлами, от свиста, от безысходности... Горланова захотела есть. Открыла холодильник – там лежало три яблока, вид у них был очень измученный, почувствовав перед ними угрызения неизвестно чего, она сгребла все три и легла с ними в постель.

– Нужна скорая помощь? – спросил муж. – Я имею в виду: скорая гормональная помощь...

– Спи, ангел...

* * *

Наконец свисток умолк, но Горланова холерично продолжала жевать.

– Только не выходи завтра на площадь, не кричи: «Люди, не берите чужих девочек!» – бросил муж, призывно зевая, вкусно так засыпая.

– Наоборот... когда свисток умолкнет, блаженство такое... А помнишь, как она Лейбница читала? Не помнишь – ну ты даешь! Мы пришли из гостей – дети спят, а она сидит с Лейбницем, горе такое на лице! Я: «Боги! Что это? Дитя, ты Лейбница читаешь?» – «Ничего не понятно!» – «Так я его тоже не понимаю». – «Ага, а дядя Слава-то читает!» Она думала: читает дядя Слава мифы народов мира – она тоже их читает, он читает книгу о Винчи, и она ее же, ну что – очередь за Лейбницем, монады, монады... А было ей тогда двенадцать лет...

– А помнишь, как она краски Соне не давала? Одна хотела рисовать. Я встал на четвереньки и сказал: сейчас так выползу из подъезда и буду лакать из чашки Тобика! Чавкать и попукивать притом. Чав-чав, пук-пук!

– Какого Тобика? Когда это было? Совершенно не помню Тобика.
 – Собачка, хозяйка-старушка легла на операцию, весь двор кормил Тобика, помнишь, плошка под деревом стояла... Ну и, конечно, краски сразу оказались в руках Сони...

* * *

2 декабря 1991 года Горланова посмотрела в зеркало: кожа ее была так сильно натянута вокруг выступающих костей, что видны были прекрасного качества жилы. Наверное, они многое вынесут, эти крепкие веревки... Временами от Горлановой доносился тончайший серебряный перезвон жил. «Мало радостей, вот что... Я стучу, стучу по клавиатуре жизни – ищу радости, а их мало...» На самом деле она больше стучала по клавиатуре машинки. Постучал сосед и показал один палец – значит, просит одну спичку. Она дала, закрылась, но снова открыла дверь: вдруг эта спичка не зажжется, и он снова ее оторвет от работы. Дать сразу вторую, но она показалась тонкой – может сломаться. Поколебавшись, дала и третью. На что уходит время, напечатала она в ежедневных записях, Божественное время, данное нам от Бога для важных дел!

– Толстой писал о точках соприкосновения души и тела. Достоевский – души и Бога. А Горланова – быта и Бога, – издевался муж (первый в мире горлановед) и, грозя разводом, требовал не упоминать всуе имя Господне.

– Ты с работы? На почту заходил? Как – ключ потеряли? Сколько раз я просила беречь ключ от абонентского ящика! Радости ко мне могут поступить только с почты, из редакций.

Сын начал рыться в ящиках стола, нашел вместо ключа яйцерезку и сыграл со-ло на яйцерезке, но Даша сразу строго: «Твоя ментальная молдавскость маму уже заколебала!»

– Мы – лучшая в мире антиреклама многодетной семьи! – сказал муж и взмолился: – Домовой, домовой, отдай ключ, я тебя сахаром угощу!

Ключ тут же нашелся на холодильнике, сын пошел на почту, а Горланова от радости включила утюг, обожглась и послала мужа за аэрозолью от ожогов. У китайцев есть поговорка: великий человек – бедствие для своего народа, бормотал муж, одеваясь. Да, купи яйца в молочном, сказала Горланова, по коммерческой цене... Хорошо, куплю, молочный, молочный... где у нас молочный?

– Что-о! Мы живем здесь пятнадцать лет, а ты не запомнил, где молочный...

Нет, точно вымрем во время шоковой терапии. Горланова хотела покурить в туалете, но там заперлась очередная подруга приемной дочери. С очередным... Муж сразу:

– Если б все стали в мире нравственными – для искусства это была бы гибель... Где сумка «красное и чёрное», сумка-Стендаль?

– Дети ее забрызгали. Что за дети такие!

– Забрызгали, значит, мои дети! Ты, жена, родила мне моих детей! А если б не забрызгали ничего, я бы сомневался...

А тут и сын с почты вернулся:

– Из нобелевского комитета все еще ничего нет. Почему они молчат?

* * *

– Вот вы смеетесь надо мной, а вы ведь правы! Если мир не стал лучше после Толстого и Достоевского, то неужели мир станет лучше после прочтения меня! Сделайте мне внушение, чтобы я не писала.

– Остановите самолет, я слезу, – буркнул муж и ушел в аптеку.

– Пойду в кооператив, продам машинку, накопим на квартиру, – убеждала себя вслух Горланова.

* * *

Вечером пришел бывший Обломов. В процессе превращения в Штольца он уже похудел наполовину: раньше у него было три подбородка спереди и три – сзади (которые при рассмотрении оказывались жировыми складками шеи или спины). А теперь – полтора.

– Ради всего мыслящего на Руси, давайте пить пиво! – призвал он. – Я с женой помирился. Она хочет вкладываться в мои дела, представляете!

– У меня урок в восемь часов, иврита. А если от меня будет пахнуть пивом, евреи не примут это за утонченный вид антисемитизма? – мужу хотелось пива, тем более что – баночного, другое «Облом-Што» не приносил. – Кстати, господа кооператоры! Могу вам предложить идею вторичного использования презерватива. Волынку знаете? Меха у нее раздуваются, и она играет. Так и к презервативу – продавать специальные трубочки, чтоб после использования... играть... Печальную мелодию – плач по убиенному сперматозоиду...

– Лучше дай телеграмму Бовину: он ищет знатоков иврита и арабского.

– Все-таки это уже слова скорее Штольца, чем Обломова!

– Но я русский! То есть наполовину еще молдаванин... Кому я нужен в Израиле? Даже в посольстве...

– А посольство-то от СССР! Почему там не быть русским? Дай телеграмму, дай, Слава! Я оплачу. Жена ведь вкладывается в мои дела – ого-го.

* * *

Внушение мужа:

За семьдесят лет в стране затравили столько моцартов... Был лозунг: «Каждому Моцарту – по Сальери!» Чтоб не очень-то зарывались... Моцартов почти вывели. Появился даже новый лозунг: «Каждому сальери – по моцарту! Потому-что сальери-то плодились хорошо... но моцартов от лозунга не прибавилось. Тогда стали просто ЗАПИСЫВАТЬ в моцарты, так и Горланову записали. А она поверила. И чем сильнее ее травили соседи по кухне, тем сильнее верила, пока наконец не поняла, что ее просто ЗАПИСАЛИ.

* * *

Что пишешь, спросила подруга. Да вот, письмо маме написала. Что-о? Какие заголовки банальные, Нинка, у тебя пошли к рассказам... При чем тут рассказы – я в самом деле письмо написала, маме, она волнуется, как выживать в период шоковой терапии... А еще что пишешь? Еще? А, вот список написала, что купить: лампочки, бинт, отбеливатель, всего 37 наименований.

– Ну, сука ты, сука, стала хитрить! Молодец! А то все всем рассказывала зачем-то...

– Да не хитрю я. Не писала больше ничего и не пишу, ты чего!

– А что ты вчера делала в издательстве?

– Долг Наде отдала, а что?

– Откуда ты знаешь Надю, если не пишешь?

– Во, ты даешь! Она же училась с Линой Кертман, а Лина – моя лучшая подруга.

– Ну, сука ты, сука, поднялась на новый уровень юмора. Кстати, о твоей приемной. Помнишь, она хотела убить соперницу, а ты разговорила? А зря! Сейчас бы она уже сидела в тюрьге.

– Ты тоже поднялась на новый уровень юмора, – сказала Горланова.

И тут молния ударила в подстаканник, фиолетовая, похожая на вену, – кот Пифагор распушил хвост и выбежал вон из гостиной. Это бывает у меня, буркнула Горланова.

– ПрОзушку-тО пишОшь? – сменила игру подруга, теперь пародируя общество «Память».

– Я тебе говорю: в кооператив работать пойду, на квартиру копить.

– Тогда, может, тебе на завод надо, Нинка, а?

– Только вместе с тобой, дорогая.

* * *

Пришел ни Обломов ни Штольц, а неизвестно, кто и как называть: с черной розой синяка под глазом – жена побила, она взяла товару на двести тысяч, она считает, что лучше знает перспективу, видите ли, вот и подралась. Ну а у вас что? Бовин что?

– С Бовиным переписываемся. Мы пишем – он получает. А мы получаем уведомления, что телеграммы вручены...

Тут Горланова захотела посмотреть новости по тиви и стала включать его, но молния ударила по ящику, раздался гром, треск, а потом пошел запах, причем такой, словно сгорело не пластмассовое нутро, а живое мясо. Обломов-Штольц сказал: этот запах вообще-то смертелен, нужно открыть форточку, и тут же распрощался. Его можно понять. А Горланова легла спать.

* * *

– Вчера я засыпала и думала: вдруг мы все умрем во сне от этого ядовитого запаха!

– А мы уже все умерли, может? И это есть наша загробная жизнь, – спокойно отреагировал муж.

– Как? А соседи? Они тоже умерли?.. ну да... воздух-то один...

Тут паучок спустился на своей паутинке, Горланова взяла нож, и молния пролетела между металлом и бедным насекомым. Он упал кверху лапками. Горланова засмеялась: не умерли, не умерли мы! Нет же смерти на небесах, а вот паучок умер, бедный, жаль, надоели молнии...

Рассказ мужа:

– ...не перебивайте!.. Эти молнии у нее и раньше случались, когда не пишет день-другой, а тут столько электричества через нее, бедную, пошло! Озоном понесло... не перебивайте!.. Да, я запил, а что?! Вы бы – можно подумать – не запили, когда жена ваша превратилась бы в грозу, в стихию, в явление природы... Кооператоры с токосъемниками, аккумуляторами... Но Швабский приказал национализировать Горланову. Её перевезли в огромный дворец с великолепно изогнутыми лестницами, ну, бывшие обкомовские дачи, а ток идет, озон-озон, можно и не сажать хвойные леса: озоновая дыра уже затягивается на глазах. Но главное: энергии навалом, Пермская область расцвела, в газетах заголовки «Экономическое чудо в Перми», Швабский объявил об отделении области от России. Когда? Уже в январе?.. Не перебивайте... Да, Даша делает уроки на коленке... По квартире записки детей домовому: «Отдай...». Ну, вначале бедная Нина думала, что она умерла, и душа ее проходит грозные страсти в чистилище. Но потом иностранцы с переводчиком появились, и тут она смекнула: какие переводчики на небе?! Потребовала газет и детей... «ШВАБСКИЙ И ЕЛЬЦИН ОБМЕНЯЛИСЬ РЕЗКИМИ НОТАМИ...» – «БУШ ЗАЯВИЛ, ЧТО ГОРЛАНОВА – ДОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА...» «ПРОЕКТ О СУВЕРЕНИТЕТЕ ПЕРМИ... ТАМОЖНИ... ВСЕ ВВОЗИТЬ, НИЧЕГО НЕ ВЫВОЗИТЬ...» – Тут такая гроза разразилась, что все испугались, хотя радоваться бы надо, ведь когда озоновая дыра росла, гроз почти не стало на земле... но испугались... А почему выстрелы каждую ночь? – спросила Горланова. «Это мы мафию отстреливаем, повадился со своими токосъемками...» Причем я сразу говорил, что добром это не кончится, а уже к весне в Перми вытаяло огромное количество

беременных... не перебивайте! И тут спутник ООН зарегистрировал над городом повышенную радиацию... Сразу ко мне, из канавы? Нет, из канализационного люка меня вытащили дети, они знали, где искать отца. Ливень, гроза, молнии, гром, а эти в галстуках кричат: что делать? А мне тепло в люке, господя, прошу, ради всего мыслящего на Руси, дайте опохмелиться! А Швабский как заорет: нет никакой здесь Руси, а есть Великая и Неделимая Пермь!... Непонятно про беременных? Но это же элементарно: от громов и гроз куда прятались пермячки всю зиму? Да под мышку мужу... ныряли, в общем.... Конечно, друг-эстет говорил, что это его заслуга: превращение Горлановой в грозу! Мол, он первым ратовал за прану, не за АЗС, а за ПЭС, про Селиджера когда говорили, у которого в подвале дыра в небо, чтоб прана шла, пранопад. Пока не дали мне опохмелиться, я пел на мотив «Интернационала» это... «Люблю грозу в начале мая...» А что! Не мешайте сейчас-то! Дали мне «галстуки» эти бутылку «Наполеона», тогда я им сказал: вот что, дайте вы Горлановой машинку, дайте бумагу и типографские мощностии!.. Тут еще Лина Кертман сказала, что нужно найти такое слово, такое волшебное, которое отключит связь между небом и Горлановой, между грозой и Пермью. Даша сразу крикнула: «КАЛЬМАТРОМАТР!» В самом деле, гроза немного утихла, но не... не... ненадолго... Нина, Нина, для меня ты всегда и была гроза!.. И уже мне сообщали, что бумаги вагон идет, что голубые каски ООН окружают область... но я боялся: не успеют...

* * *

– Я это запишу! – вскрикнула Горланова. – Знаете, я все-таки не могу бросить писать... Такие, видно, у меня генки в хромосомках?..

– Опять вы о генах приемной дочки? – пришел друг-эстет. – Мать пила? А Сократ-то? Когда пришел он с учениками к дельфийскому оракулу, тот что сказал! Перед вами сластолюбец, корыстолюбец, идиот... Ученики завозмущались, а Сократ их успокоил: «Да, я таким и был, от рождения, но вот уже много лет я борюсь с этим».

– Я всегда был против того, чтобы брать девочек с помойки! Но если б я настоял, а она умерла, жена съела б давно меня...

– Конечно! Реализовался лучший из вариантов. Вы теперь оба верующие, а думали бы: девочка умерла, грех на душе... Было б в сто раз хуже, вы б уже догладывали сейчас друг друга... Кстати, МИД СССР распущен, знаете? Может, поэтому не стоит ждать от Бовина ответа?..

* * *

– А вот и слон! – завопила Горланова.

– Какой? – спросил сын. – Что за слон еще?

Но муж сразу ее понял: тот слон, которого слепые осматривали. Один ощупывал толстую ногу и говорил: «Слон – это столб», – другой дергал за хобот и спорил: «Слон – это шланг»... Так и с приемной дочерью.

Горланова перебирала:

– Первая нога слона: Бог наказал за то, что пошла против Его воли! Вторая: были советские мичуринцы, верили в перевоспитание! Третья: Шариковы любят мстить своим спасителям (помогать надо не первому встречному). А сам слон только сейчас открылся: все было для того, чтобы не догрызали друг друга... не сглодали совсем...

На кухне приемная дочь и ее подруги ссорились из-за трусов: кто у кого украл.

Однажды, когда приемной дочке было лет семь и она страшно визжала, прося джинсы, раздался звонок. Кто? – радостно спросила она, любящая подарки от гостей.

– Это режиссер фильма ужасов пришел! Услышал твои страшные крики. Будет звать тебя на главную роль бабы-ягиной ученицы!..

– Ко мне, дядя Слава, никогда не придет режиссер фильма ужасов! – был гордый ответ. – Только если режиссер красивой сказки, да...

НИНА ГОРЛАНОВА, ВЯЧЕСЛАВ БУКУР

Три продюсера на сюжет мертвеца

Вдруг увидел ее и подбежал, и говорит:

– Я написал о вас сценарий... Вы и Модильяни!

– Кто вы такой?

– Владимир Крыль.

Тут она как размахнется, как даст ему по щеке!

– Анна Андреевна, за что?!

Склонился хирург:

– Просыпайтесь! Владимир Васильевич, просыпайтесь!

В груди кто-то проскакал по диагонали. Потом такой монтаж: коридор-палата-медсестра.

– Поблевушеньки – это нормально, – говорила она, убирая полотенцем что он нафонтанировал.

В ее глазах он явственно читал: «Все еще живой? Вот это да... Расскажу всем».

– Ничего не помню – даже день рождения Ахматовой!

Теперь взглянем на местность.

Больничная палата на двоих.

Платная, но бачок в санузле неисправен и вплетает в разговор свое струение.

За окном прилив черемухи: безбрежным цветением хочет помочь.

На потолке театр солнца – играют, плещутся тени от листвы.

– Анализы не пришли, – Станислав Драгомирский зябко подвигался внутри парчового халата.

Вчера ему разрешили вставать. И он в коридоре столкнулся лицом к лицу с Владимиром Крылем – узнал его с трудом. Тот был так худ, словно автоотсосом отсосали.

Драгомирский предложил (практически распорядился) переехать в его палату. Смесь обаяния, воли ума и денег делали «пана Станислава» нестерпимо харизматичным.

А сегодня на рассвете Крыль вдруг захрипел и потерял сознание. Прободение! Сразу был увезен в операционную.

И вот они снова вдвоем. Крыль говорит:

– Юноша, вам всего сорок лет! И сказано же: состояние стабильное.

– Полный стабилизец...

– А мне, увы, шестьдесят.

– И вы – Крыль – расправите свои крылья!

Еще Драгомирский называл его: Вольдемар.

Анализы не пришли. Пришли родители Станислава Драгомирского – лица у них были словно сплошь в ноздрах.

Крыль не знал, почему не бывает жена соседа по палате, он только слышал одну жалобу на родителей за то, что еще до свадьбы звали его Светлану – Темняна.

Вот они втекают в палату с прямыми спинами, гордые, как подбитые крейсера... но производят впечатление пустых остовов. Кажется, вот-вот эти оболочки рухнут внутрь себя.

Сошлись еще в выпускном классе. Он – красавец-поляк, до сих пор, когда говорит, красиво держит рукой свой подбородок... И тут отца взяли в кремлевскую роту, каменел у мавзолея. А когда вернулся – поженились и стали бурно спиваться. Из двухкомнатной перебрались в однокомнатную, а теперь уже год живут в коммуналке. Стас с племянником недавно побывал там – в восьмиметровой клетке с руинированным пейзажем... на мусорной вершине стола запомнился проросший зубчик чеснока.

Струя апельсиновые выхлопы жвачки, старшие Драгомирские начали подвывать:

– Ой, сынок, прочли мы в газете: ты в больнице. Горе-то какое. Плакали, плакали! – А сами сканируют палату: нет ли чего на предмет того.

– От Юдашкина-то пиджачишко твой... ой-ой! Как на вешалке, на тебе будет! Отдай отцу.

Пойти по самому простому пути – дать несколько листиков денег? Но если не печенкой, то пупком и даже пяткой он чувствовал, что это неправильно: родичи могут склеить ласты раньше, чем он выпишется из больницы.

Сгреб им с тумбочки в разинутый пакет яблоки, бананы и кисть винограда. Сутулясь на манер «заброшены мы родимой кровиночкой», они удалились.

– Позорят польскую фамилию! – прошипел Драгомирский и перешел к национальным корням, которые пустил здесь ссыльный поляк-повстанец.

Эти разговоры ему шли, он сам состоял из крепких каких-то корней: жилы, мышцы, вены – все сплелось и наружу торчит на его шее и руках. Корни виднелись даже между кочками лица.

И тут, как воск, влилась в палату Милица с ее тонким лицом музыкального критика (на самом деле она учительница биологии).

– Володя, мне сейчас показали фильм! Золотой скальпель есть золотой скальпель – он свое дело знает. Прободение – как и предполагал он утром...

– И что там с главным героем фильма – с кишечником? – спросил Крыль, слабо обозначив дурашливое – по-пермски – выражение лица.

– Был серый, а стал розовым! Антиспаечный гель помог. И снова залили его.

– Правда?

Крыль смотрел, мерцая глазами, как в детстве, когда обещали купить ему велик. А сейчас должны купить отрезок жизни.

– Отдала последние пять тысяч. Но о деньгах не думай: буду весь отпуск работать у Альбины, в саду...

Пять тысяч за антиспаечный гель – это цена за сколько будущих месяцев, лет? Да хоть за сколько! Спасибо!!! Купленная жизнь словно висела в воздухе, и в ней солнце одновременно всходило на востоке и заходило на западе, гуси летели клином, не мешая дельтапланеристам... шампиньоны реяли по всему воздуху, деловито рассаживаясь тут и там.

– Во время операции мне казалось, что на площади стоит мраморная чаша, в ней – мои кишки, опускается рука с неба и перемешивает их ... Но что с памятью? Ничего не помню, даже дня рождения Ахматовой.

– Это пройдет. Наркоз есть наркоз.

Владимир вдруг замер и закрыл глаза. Милица потрогала его руку – теплый.

«Сейчас про перепелиные яйца будет», – подумал он.

– Альбина пьет перепелиные яйца. Перепелки у нее – бархатно-коричневые. Одна из них петушок, токует всю ночь: фить-пирють, тра-ра...

– И как там у них все?

– Одно яйцо натощак утром, и запить теплой водой. Энергия жизни прибывает. Куда ей еще энергию, Альбине? И так во время так называемой улыбки она обнажает совершенный аппарат для расчленения и стоя всегда покачивается, как змея перед укусом.

Он попросил жену принести ему «Третью охоту» Солоухина.

Драгомирский смотрел в окно. Посмотрел и Крыль. Отцветающая черемуха, как Бетховен, яростно вертела космами под напором ветра, говоря: переходим к следующим задачам.

– Хорошо черемуха устроилась: отцвела – ждет плоды. А у меня сын – от него Милице никакой поддержки. Инфантил, на лекции ходит с игрушечным автоматом за спиной. Все потому, что я поздно женился – долго пробивался в столице...

– Ничего не значит. Сейчас все носят какие-то фенечки и прибамбасы. Мой племянник вообще двух крокодильчиков на ремень прицепил, а просмотрел я его сайт, там все про поляков, да как нас ссылали. Один наш прапрадед где-то на Урале первый книжный магазин открыл.

– Да, – вспомнил Крыль, – вы навещали Инночку в коридоре?

– Совсем плоха... сказала, что хочет под дождем постоять, по траве походить босиком.

– Ей двадцать?

– Да нет, говорят, двадцать пять.

Помолчали. Вдруг – не поворачиваясь от окна – Драгомирский спросил:

– Вам ангелы являлись перед операцией?

– И вам тоже?! – Помолчал с минуту, Крыль сказал черными губами: – А в творческом кружке я писал, что в родительскую субботу атомы, которыми дышали мои родители, прилетают! Атомы, а не ангелы.

– Это в каком вузе?

– В Пермском... я из поселка Чад. Прошлым летом съездил... как предчувствовал... И там каждый день к гастроному приходит директриса нашей школы – Вера Петровна. Все лицо ее сбежало куда-то в рот, а рот еще провалился внутрь головы – осталась узкая щель. Но дворянское нечто сохранилось! Не увяло в девяносто с лишним. И спина прямая.

– Польша? – спросил Драгомирский.

– Девичья фамилия ее – Бармина-Кочева. А другой фамилии нет – старая дева. Стоит Вера Петровна, стоит у гастронома, всех спрашивая: «Вы – мой ученик? Изучали мою биографию? Здесь на странице сорок – внизу – обо мне». И протягивает брошюру «Наши люди» – издала местная власть.

Драгомирский заметил, что на футболке, принесенной Крылю женой, сзади бельевая прищепка. Мелькнуло: можно поторговаться и взять сценарий подешевле.

– У правительства Москвы есть программа поддержки художественных телефильмов. А у вас есть сценарий про Ахматову и Модильяни. Хотите, чтоб играла Пивнева?

– Нет! У нее же лицо – резиновое!

– Такое и нужно настоящей актрисе.

– Но у Ахматовой не резиновое лицо!

Через час Крыль продремался, и Драгомирский вернулся к торгу:

– Надсадова будет играть Анну Андреевну.

– Надсадова? Эта медведица, раскрашенная под петуха! Голос ее весь стерся об роли. А представляешь, какой у Ахматовой был голос? Космато-властный голос... Драгомирский отчаянно заблестел гранями черепа:

– Зато Надсадова не жадничает, а фильм низкобюджетный.

Продолжился дерганый, задыхающийся, пунктирный разговор: мейнстрим, рейтинги, этот режиссер бережно относится к сценарию, а тот – поубивал бы... Но главное, чтоб все чего-то заработали! – повторял Драгомирский.

Тяжело, – думал Крыль. В советское время был диктат партии – сейчас диктат продюсеров... Голливуду – Голливудово, а в России нужно так снимать, чтобы в каждом отрывке было невидимое чудо. И оно должно определять настроение фильма. Так молекула ДНК не видна, но все определяет.

– Пан Драгомирский, к вам можно? – Пришел Веслов (Весло).

У него не лицо, а булыжник пролетариата. Поставил на тумбочку глобус и крутанул:

– Всегда приношу вместо цветов глобусы. Не забывайте: вы не только в палате, но и на планете.

– В детстве я мечтал такой глобус купить, чтоб две каски сделать для войнушки, – простонал Крыль, чувствуя, что от усталости говорит нехорошо – слова наскиакивают друг на друга.

Драгомирский их познакомил. Весло деловито записал номера телефонов Крыля. Оставил в ответ свою визитку.

– У моего профессора часто в кабинете лежал журнал «Театральная жизнь» – по образованию я медик. Профессор был театрал. Однажды его вызвали, и я прочел рецензию на вашу пьесу... Да он заснул!

Крыль на самом деле заскользил куда-то в Париж пополам с поселком Чад. Он еще слышал голос Веслова:

– Прочел первую фразу сценария... а давайте его поставим силами больных и персонала здесь. Все будут кататься под столом! И эту девушку в коридоре вылечим смехом!

Ну Весло, широко загребают! И какие ловкие тут больные и врачи! Набежали, сколотили сцену, натянули занавес. Золотой скальпель Пермышев чуть не плачет: «Кто же у нас будет главный комик. Эх, жалко, Немова нету!» – «А где он?» – «В морге». – «Не вопрос, позовем. Что ему там зря лежать?»

И дергают Крыля за руку! Он открыл глаза.

– Мама твоя пришла, – сказал Драгомирский.

Мама в восемьдесят лет подошла бодро, лицо как бы стекает к земле – бесконечно родное лицо трудоголика с вечной экономией на себе... вот и сейчас – ни за что не потратилась на такси!

– Как же быть, Володенька, где занять денег?

– Мама, Милица будет у Альбины ухаживать за садом.

– У Альбины есть сад? Наверно, трудилась всю жизнь, сэкономила.

Альбина вышла замуж за успешного гомеопата, никогда не работала, тем более – не сэкономила, но мама не знает этого – она из Перми переехала всего три года назад, когда вышел фильм «Вечеринка» по сценарию Крыля.

Все началось с фотографий в Интернете: однокурсники сына выложили несколько снимков с вечеринки – все там в эковских полосатых одеждах. Заранее ведь сшили их! Сын еще пытался защищать друзей: как бы типа это просто такой юмор там...

– Юмор висельника иногда встречается. Но тут другой случай. Так выглядит наша антропологическая катастрофа. И не надо ничего говорить про бахтинский карнавал, умоляю!

Так закричал в конце Крыль.

– Мой дед в лагере пропал, – плакала Милица, – это же твой прадед!

– Крыли, вы чо?! – Филя даже выронил деревянный автоматик, который собирался захватить на консультацию (мол, намек по приколу, только так можно разговаривать с некоторыми препаратами). – Я же не пошел на эту вечеринку.

Крыль написал о своей тревоге в собственном блоге. Получил такой комментарий: «А в чем катастрофа-то?». Он оцепенело смотрел на этот ответ, который сам был результатом этой катастрофы.

В общем, сценарий вылетел со свистом. Этих участников вечеринки вежливо погрузили в вагон для скота, они острились при этом, хохотали. Потом их везли месяц по стране, кормили только воблой, а воды давали по капле.... Когда их наконец выпустили, то прикладами погнали на вечеринку в тайгу, под лай собак. Главный герой спотыкается, еще раз спотыкается, не может подняться... к нему бежит охранник. Затемнение, вместе с буквами КОНЕЦ ФИЛЬМА раздается выстрел.

Фильм получился – типичная малобюджетка, кое-что вообще с руки снято, с дрожью. Главный герой похож на суперагента высшего ранга, то есть на маленького подслеповатого бухгалтера.

За сценарий дали премию «Черемуха в овраге» – один граф-эмигрант учредил. На эти деньги удалось перевезти маму в столицу.

Тут санитарка пришла, устроила серфинг швабры. Увидев флаг США на косынке матери, она начала бурную речь:

– А я не буду американские товары покупать! Пусть за мой счет не богатеют!

Мама сочувственно кивала:

– Понятно, вы трудились всю жизнь, сэкономили...

Еще сидела в палате мама, а уже пришел Смуров (Смур Смурч) – с навсегда опущенными глазами, словно видел в детстве страшную, кощунственную сцену, и с тех пор его взгляд не может подняться. Крыль уже три месяца вел с ним непростые переговоры о сценарии про Ахматову и Модии.

В это время купленная жизнь еще висела в воздухе, и переговоры решили отложить. Мол, куда спешить – время есть.

Но изрезанный кишечник не работал, стула не было день, два, три, и Крыль стал прикидывать, как загнать сценарий сразу в три места. А то ведь можно не успеть и превратиться в содружество червей.

Стыдно-то было, конечно, перед сценарием – это значило, что по нему не снимут никогда, да еще проклинать его будут долго в разных интервью. Но как же иначе денег жене и матери на похороны оставить? Кругом кипит дарвинизм. Пусть ругают, из-под крышки гроба его уже не выколуешь.

Все приглядывался к объему жизни вокруг: прозрачность стала мутиться на глазах, птицы исчезли, а дельтапланшики стали насмехаться над теми, кто внизу...

На третий день стали делать ему белковые капельницы, чтобы подкормить. Отказалась работать «грешная дыра», как выражался Пушкин, и на капельницы была последняя надежда.

Он вспомнил, как писал сценарий про Анну Ахматову и Модильяни в Чаду, на малой родине («в чаду творчества!»).

Остановился у своей молодой (сорокалетней) кузины Зины, которую недавно бросил муж, и она с горя запила, вдруг впала в кому, никто уже не надеялся ни на что, но в одну июльскую ночь Зина открыла глаза, встала – оказалась на улице и постучалась в ближайший дом. Вышел мужчина, который приехал к родителям – после смерти жены. Она попросила закурить. Мужчина ушел за сигаретами, а когда снова вышел, за ним бежал мальчик трех лет и, назвав Зину мамой, спросил:

– Ты от нас не уйдешь?

Теперь живут хорошо, только Зина сильно устает от четверых детей и на своих дочек иногда как закричит:

– Ну, вы, бездельницы, надо было где вас рожать, тут же топтать!

Младшая дочь:

– Так чего ж ты не топтала?

– Ложись!

Та легла: топчи, мать.

– Да ты большая, у меня ноги не хватит...

Когда Крыль рассказал про это жене, она стала звать кузину Зину «Ноги не хватит»:

– Звонила Зина-ноги-не-хватит: приедут все на неделю столицу посмотреть.

Так вот, один приемный Зинин сын, третьеклассник, по вечерам забирался на кривую яблоню и тонко свистел. Буквально по часу насвистывал. Он был как бы гений творчества. Под его свист у Крыля писалось бешено...

Пан Драгомирский еще пытался отвлекать:

– Надо такого режиссера найти, чтоб космонавты хотели фильм смотреть – спастись от космоса. Как они любят «Белое солнце пустыни»! Давай добавим средневековья. В прошлом месяце я по дешевке закупил бутафорское снаряжение средневекового воина – тридцать комплектов.

– Ахматова в средние века? Ты, пан, совсем с глузду слетел.

– Купил, тебе говорю, уже, тебе говорю. Это будут... это будут, ну, средневековые сны Гумилева-сына.

Тут пан Драгомирский рефлекторно перешел почти на шепот:

– Я лет в двадцать стихи такие сочинил – про Льва:

Уже об стенку головой

Не бьют, как Гумилёва.

Спасибо партии родной,

Что всем не так х.ёво.

– Имел большой успех у девушек? – проницательно посмотрел на него Крыль.

И снова вспомнил Асю с биофака. Когда на занятии говорили о размножении жуков, он спросил Асю: «Когда же мы начнем размножаться?» Ничего он не имел в виду, но за базар пришлось ответить.

Биологички были не сказать чтоб красавицы (ему нравились филологини из творческого кружка), но Ася по-особенному дурнушкой казалась: лоб такой узкий, что один палец соскальзывал, сама очень худая, но в жаркую погоду пошло хорошо. Да еще на даче ее бабушки – среди белых бутонов пионов. Именно с Асей у него случилось то, что случилось в первый раз. Она забеременела, ушла в академ, ничего не требовала с него, а он думал: до чего умна, понимает, как мне дорога свобода. Потом говорили, что родилась девочка.

А теперь в коридоре умирает Инночка – копия той молодой Аси.

Всегда ему хотелось забыть эту историю. И сейчас хочется, но не получается. Вот недавно вспомнилось, как он самодовольно говорил на семинаре:

– Ничто так хорошо не растет, как живучка ползучая.

А она ответила:

– Не стать бы нам никогда ползучками живучими.

Драгомирский включил телевизор, и оттуда посыпалась грязь звуков и цветных пятен. Но вдруг встрепенуло:

– В США онкобольной ставит в букмекерской конторе один к полусотне, что проживет год, хотя врачи говорили: полгода. Игра поддерживает его волю к жизни. Увеличивая ставки, он прожил уже два года. И представьте, он на днях снова пришел к букмекерам с предложением поставить один к ста, что проживет еще шесть месяцев.

Крыль отвернулся от экрана. И телевизор умолк, не зная, что дальше сказать.

Теперь опять взглянем на местность.

Это наша пермская коммуналка. На двери написано: «Не беспокойте до 17.00! Умоляем! А не то...»

Володя Крыль позвонил пять дней тому назад:

– Вы помните Асю?

Мы помнили Асю. Недавно встретили ее со взрослой дочерью в сбербанке: брала она кредит на образование внука, жаловалась на грабительский процент.

– Попросите Асю позвонить мне. Я должен с ней поговорить. – И дальше добавил комментаторским голосом. – Лежу в палате. Лицом к стене. Таковы правила игры.

Асю мы нашли. А она говорит:

– Один-то раз я ему позволю по мобильнику, а вообще-то у меня денег нет.

Только перевели немного дух – звонок от Милицы:

– Володя вам говорил, что у него непроходимость – после третьей операции? Стула нет.

С того дня Милица каждый день звонит нам:

– Молитесь за Володю. Непроходимость продолжается... Стула нет четыре дня... пять... шесть дней. Дед Володи примерно в этом же возрасте ушел.

Мы робко говорили:

– Вот адрес монастыря св. Александра Свирского. Пошли туда сто рублей и закажи молебен.

Из последних сил спокойным голосом она спросила:

– Это поможет?

Мы ответили арифметически:

– Два молебна больше, чем один. Мы тоже пошлем.

И тут окружили нас воспоминания: ходили в один творческий кружок.

– И он тебе нравился – ты ему свитер связала!

– Слава, просто я всем вязала свитера.

– Птичка моя, в этом и была твоя хитрость. И еще – в том, чтобы всех мужиков гениями называть!

– Непризнанными гениями!

– А у нас темечко слабое, много ли нам надо. Вот ты мне свитер связала, а у меня-то все в голове помутилось. Особенно запомнилась примерка: там поправишь, тут коснешься... Ты думаешь, мужик железный, да?! Да еще лепечешь: «Цвет эпохи, цвет эпохи»...

Когда наш руководитель творческого кружка, бывший фронтовик, спросил, готовы ли мы писать стихи даже в окопах, Володя стал в перерыве у нас спрашивать: «Готовы ли вы писать стихи, идя в атаку? А бросаясь под танк? Хотя бы одностийше, а?!»

Уехав в столицу, он какое-то время нам много помогал. Когда пошла его первая пьеса – купил мне путевку в Железноводск. Потом пару раз давал то на пальто, то на виолончель детям. А потом забыл про нас под видом бодрой жизни в Москве – очень бодрой, очень в Москве...

Мы старались не вспоминать, как год тому назад поссорились. Крыль был в гостях – проездом в Чад. А мы перед этим видели по тиви его пьесу в исполнении театра из города Н. Актеры зажаты, голоса сдавленные. Станиславский учил-учил их расковываться, а только умер – они опять за свое! Но мы ни слова не сказали, что исполнение не показалось. Но Крыль вдруг ни с того ни с сего стал нас поучать:

– Арамис говорил: «Надо опираться не на достоинства, а на недостатки: послать того слугу, который больше любит деньги!» Вы должны посылать рукописи в те издательства, которые больше платят.

– А то издательство, которое больше платит, оно не очень любит деньги. И наоборот.

Но сейчас, когда Крылю так плохо, не нужно думать об этом разговоре, а нужно молиться, помнить все, что спасало нас...

Мы три ночи плохо спали, беспрерывно зажигали свечу и молились. Заказали молебен, затем дочь тоже заказала молебен о здравии. Говорила, хотела просить о другом, но рука сама написала имя: Владимир.

И вдруг – через три дня – в трубке зарыдал Крыль:

– Вы не будете смеяться? У меня сейчас был стул.

И мы зарыдали, засморкались – у двух телефонных аппаратов.

– Вся больница приходила смотреть на это чудо. Ведь никто уже не верил... Хирургическая команда, как на букет цветов, смотрела на мое судно! Вы не смеетесь?

Мы засморкались сильнее.

Потом мы оказались в Москве по издательским делам, позвонили Крылю, не надеясь его застать, – думали, что в бронезилете скрывается от трех продюсеров где-то на даче.

Но оказалось, что дело уладилось: пан Драгомирский ставит фильм про Ахматову и Модии, а Веслу и Смур Смурьчу Володя пишет новые сценарии.

Нас пригласили на ужин с ночевой, и Милица рассказала, как работала у Альбины, где ей подчинялся младший садовник Равиль. Он был маленький, кактусовидный мужчина, почти без шеи. И вдруг он запил, ничего не делает день, другой, а на третий объясняется Милице в любви. Оказывается, никто с ним в жизни не разговаривал ласково. Он думал, что она его полюбила... А это был просто учительский голос, просто вежливость. Но Равиль не встречал этого раньше. У Милицы муж больной, сын-инфантил, она худеет, боится, что у нее самое плохое. Так у Равиля у самого семья – полно детей, да он и неухоженный, замызганный. Милица все время говорила с ним про почки, почву, семядоли, влажность воздуха, ранние восходы. Откуда выросла эта его любовь, такая сильная, что у Равиля все части лица поехали и встали на новые места?!

– Не откуда, а для чего! – говорил Крыль. – Для меня, для нового сценария, вы еще не поняли, что ли?

Бог его любит, и идеи сценариев сыплотся с севера, юга, запада и востока.

Нас положили спать в гостиной. Вдруг вошел Володя и поманил нас тихо в кабинет, где вытряхнул из корзины целый ворох мягких игрушек. Там были Кенга, Тигра, Сова из «Винни Пуха», добродушно-свирепая горилла, разные рыбы, мишки в дурацких колпаках, птицы в викторианских бантиках и добрый пес-швабра.

– Я у сына забрал это. И сначала делал вид, что ищу героя для детского сценария. Но потом честно признался себе, что по-детски люблюсь, перебирая и играя.

– А мы до сих пор жалеем, что ты уехал из Перми.

– Как вы жалеете – сколько раз в день?

– Ну, с утра молимся, работаем, обед, стирка, чтение, новости...

– А потом жалеете обо мне!